

ХРАМ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
СПОРИТЕЛЬНИЦА ХАБЕВ
ГОРОД ЩЕЯКОВО

№ 398

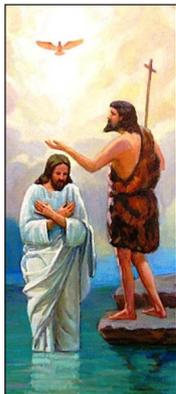
24 ИЮНЯ 2018 Г.

Господь Иисус Христос излагал свое новое учение притчами, то есть образными примерами, взятыми из обыденной жизни. Так и апостол Павел, будучи опытным душепечителем, зная о человеческой «немощи», излагает свое Евангелие, прибегая к иносказаниям.

Сегодняшнее чтение из Послания к Римлянам предлагает нам размышление о двух образах жизни: о жизни, пожинаяющей плоды греха, и о жизни, вкушающей плоды правды Божией. Первая – жизнь под ветхим Законом, вторая – жизнь под благодатью. Крещенные во Христа, «мы не под Законом, но под благодатью» (Рим. 6, 14-15). В таинстве Святого Крещения верующие во Христа переходят границу между ветхой и новой жизнью. Из ветхого мира они вступают в область Нового Творения. И если христианин желает удержаться в этом новом бытии, он должен постоянно оправдывать и подтверждать его соответствующей жизненной практикой.

Ни в какой другой книге Нового Завета так подробно не говорится о смысле крещения, как в Послании к Римлянам. Мы – крещенные. Мы крестим наших детей. Поэтому для нас так важно знать, какое место крещение занимает в нашей жизни. Апостол Павел пишет о том, что оно означает наш внутренний переворот настолько радикальный, что мы можем сравнить его только со смертью. «Все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились» (6, 3). Из этой смерти во Христе возникает новая жизнь: «Если мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним» (6, 8). И в новой жизни не будет, не должно быть места теням прошлого, таким делам, о которых и вспоминать-то, как пишет Апостол, стыдно и страшно. Новая жизнь возникает не потому, что это я сам оказался способен сделать как бы не бывшей свою собственную биографию, забыть ее, отречься от нее, но потому, что есть мой Создатель, Который в Сыне Своем подарил мне новое начало, причем, так безусловно, что апостол Павел может сказать: моя ветхая жизнь закончилась, «умерла» в очах Божиих. Именно такой смысл предполагает крещение.

Но такова ли наша жизнь после крещения? Будем реалистами. Крещение в наши дни принимают очень многие, не имея ни малейшего представления о его смысле и значении. Оно чаще всего (к сожалению, это так!) воспринимается как некая гарантия смутно понимаемого благополучия в земной жизни. Люди проходят крещение, отнюдь не собираясь расставаться с ветхой жизнью, и уж тем более не собираясь «уми-

рать» для нее. Крещение и последующее за ним членство в Церкви (а часто никакого реального членства в Церкви и не происходит) в лучшем случае воспринимается как неиссякаемый источник благодати. Это так и есть! Но благодать Божия становится действенной только в реализуемой вере. Вера же реализуется в святой и праведной жизни. Иначе весь наш религиозный язык, церковные ритуалы и жесты лишаются своего смысла, и само Евангелие теряет свою спасительную силу. Вспомним самое начало Послания к Римлянам, торжественно провозглашающее: Евангелие Христово «есть сила Божия ко спасению всякому верующему» (1, 16). В прочитанном сегодня отрывке апостол Павел пишет именно об этой опасности легкомысленного отношения к Евангелию и крещению, когда оно понимается как источник «дешевой благодати», за которую не надо платить своей привычной земной жизнью.

Именно об этом апостол Павел говорит, используя также другую метафору, своего рода притчу, заимствованную из житейского опыта античного человека, а именно из института рабства, с которым был знаком всякий житель Римской империи: «Неужели вы не знаете, что, кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы, кому повинуетесь?» (6, 16). Апостол принципиально считает, что человек всегда находится под властью тех или иных сил, и потому абсолютная автономия человека есть иллюзия. Он рассматривает крещение не как переход от состояния рабства к состоянию полной раскованности и произвола, но как смену господ, переход от одного господина к другому. В Римском мире раб по той или иной причине мог менять своего господина. Чаще всего это был результат продажи раба, изредка – добровольная смена господина. Но в любом случае раб, сменивший господина, подвергался обряду крещения «во имя» его нового хозяина. Раба погружали в воду, произносили над ним формулу перехода под власть нового господина и нарекали его новым именем. С этого момента раб не имел права служить кому бы то ни было кроме господина, который его купил (или выкупил), и не имел права откликаться на свое прежнее имя. Крещение означало переход к совсем другой жизни под властью другого господина.

Но если уж раб определен и теперь принадлежал тому или иному господину (так у апостола Павла), то он был обязан безусловно подчиняться. Только сравнение это не совсем корректно. И это признает апостол, оттого и пишет, что он

использует сравнение с рабством условно, метафорически. Ведь если рабство греху действительно держит человека в несвободе, то «рабство» правде Божией, напротив, переносит человека в область свободы. Но ради «немощи» своей аудитории апостол Павел считает практически полезной наглядную яркость своего сравнения. Так его читатели и слушатели имеют возможность сравнить «доход», «прибыль», или, как образно выражается апостол, «плод» ветхого и «плод» нового образа жизни. Если до крещения этот плод составляли «дела, каких ныне сами стыдитесь» (апостол Павел не хочет их даже называть), ибо они приносили смерть, то после крещения плод нового образа жизни – дела святые и праведные, которые принесут жизнь, и не просто жизнь, но жизнь вечную во Христе Иисусе, Господе нашем.

Святость и праведность жизни. Слова привычные. Мы употребляем их как синонимы. Наверное, это правильно. Но что они означали первоначально? «Святость, освящение» означает принадлежность Богу, извлеченность из мира, из мирского употребления. А «праведность», или «правда» христианина означает стиль новой жизни, отвечающей Правде Божией, явленной в Иисусе Христе и открытой в Евангелии Креста и Воскресения. Праведность, или правда – принципиальная черта святости, освященной, богоугодной жизни в Духе Святом! Апостол Павел всячески подчеркивает различие между прежней и новой жизнью. Прежняя жизнь характеризовалась «нечистой и беззаконием». И это беззаконие приводило к новым беззакониям. В этом и суть рабства греху. Грех производит грех и смерть.

Совсем иная – новая жизнь, в «рабстве» Богу и Его правде. Эта жизнь ведет путем освящения к совершенной святости. Конечно, будучи реалистом, апостол Павел знает, что человек, отдающий себя Христу, не сразу становится совершенным человеком: его жизнь будет постоянной борьбой. Поэтому не удивительно, что апостол использует в своих наставлениях метафору, заимствованную из воинского словаря: «жалование» и «дар». Жалование воин получал за свою верную службу (1 Кор. 9, 7). Дар он получал по милости императора по особым праздничным дням. Апостол Павел жалованию за службу греху, – а это жалование есть смерть, – противопоставляет щедрый подарок Божественной благодати во Христе Иисусе – жизнь вечную. Смерть – по заслугам ветхой жизни во грехе. Вечная жизнь – не по нашим заслугам, а по вере и великой милости Божией.

Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев)

НУЖНЫ ЛИ РАЗНЫЕ ПЕРЕВОДЫ БИБЛИИ НА ОДИН ЯЗЫК?

«В нашем переводе это место Библии трактуется так...» – можно услышать на улице или в интернете от проповедников того или иного экзотического вероучения. «Нет, в каноническом переводе все звучит совершенно иначе», – строго отвечают им другие проповедники. Но как рядовому читателю разобраться с этими переводами? Одни утверждают, что правилен только их текст, другие – что право на существование имеет чуть ли не бесконечное множество прочтений библейского текста. Кто же прав?

«ХРИСТИАНСТВО ОБРЕЧЕНО НА ПЕРЕВОД»

Начнем с того, что разнообразие русских, или английских, или французских переводов Библии – это уже данность. Нравится нам это или нет, но мы живем в мире, где ни одна инстанция не может разрешить или запретить переводить или издавать Библию, или читать напечатанные (а то и просто вывешенные в интернете) переводы. Но это означает, что решение принимает каждый читатель: какому переводу доверять, к какому относиться с осторожностью и интересом, а какой просто отбросить как недосягаемый.

Самый простой выход, как всегда – воспользоваться старыми и проверенными текстами. Для русского читателя это, конечно, Синодальный перевод, и он, несмотря на все недостатки (некоторые из них были упомянуты в прошлой главе), остается нашим главным и единственным нормативным текстом – но для многих читателей его все-таки недостаточно, и они обращаются к тем переводам, которые только могут найти. Хорошо ли это?

Но сначала следует разобраться, зачем вообще нужен перевод Священного Писания. Некоторые религии прекрасно обходятся и без этого – у них есть свой священный язык. Чтобы изучать ислам, нужно выучить арабский, поскольку все переложения Корана на современные языки – не более, чем подпорки для немощных. У них нет и не может быть того же статуса, что и у оригинального священного текста. В прошлой главе мы говорили о том, что в свое время именно такой статус хотели придать в России церковнославянской Библии, но, по счастью, не придали.

Почему же в христианстве все иначе? Ветхий Завет был написан в основном на древнееврейском языке, а отдельные его части – на близкородственном ему арамейском. Именно на арамейском, скорее всего, говорили в быту Сам Иисус и Его первые ученики. Но Новый Завет, как ни странно, от начала до конца написан на древнегреческом языке. Дело в том, что в I в. н. э. в восточной части Римской империи греческий язык был языком межнационального общения, как русский в бывшем СССР.

Итак, на родном языке Иисуса до нас не дошло ни строчки, а Его последователи с самого начала предпочли не создавать особого священного языка и писали так, чтобы было понятно как можно больше-

му числу читателей. Удивительно смелый шаг! Ради своих читателей они отказались от точной передачи слов Самого Учителя. Но уж если Сын Божий, воплотившись, пошел на риск быть неправильно понятым (да что там риск – на крест Он пошел!), то вполне естественно, что и Его ученики постарались убрать с дороги своих слушателей все возможные лингвистические барьеры. И потому с самого начала христианство оказалось, по выражению российского филолога и переводчика С.С. Аверинцева, «обречено на перевод». Как в исламе невозможно обойтись без единого священного языка, так в христианстве невозможно не возвещать Благою весть на языке, понятном слушателям.

Так что проповедь христианства в том или ином народе обычно начиналась с перевода избранных библейских книг на его язык. Не стали исключением и славяне, для которых Библию начали переводить святые Кирилл и Мефодий. Впрочем, языки не стоят на месте, и потому постоянно возникает потребность в новых редакциях или совершенно новых переводах. Вплоть до XVIII в. славянский перевод постоянно уточнялся и исправлялся: вышедшие из обихода и ставшие непонятными слова заменялись новыми, существующие версии сравнивались с более авторитетными греческими рукописями.

Славянская Библия, которую сегодня читают за богослужением в церкви, называется иногда Елизаветинской, т.к. свою окончательную форму она приобрела в царствование Елизаветы Петровны в середине XVIII в. Ее текст, конечно, заметно отличается от кирилло-мефодиевских переводов.

Вместе с тем, называть церковнославянский или Синодальный текст «каноническим» неверно. Да, они стали сегодня не просто самыми распространенными, но общепринятыми, стандартными – но при этом наша Церковь никогда не канонизировала их, как это сделали католики на I Ватиканском Соборе (1869–1870 гг.) с латинским переводом, Вульгатой. В России после этого собора были желающие канонизировать славянскую (а вовсе не Синодальную) Библию, но идея эта не была воплощена в жизнь, и, пожалуй, это правильно – ни один перевод не может считаться полным и исчерпывающим.

Кстати, сегодня в России абсолютным авторитетом Синодальная Библия пользуется не столько среди православных, которые читают еще и славянский перевод, сколько среди протестантов, которые зачастую просто не знают никакой другой Библии. И все-таки на нем история переводов Священного Писания на русский язык не завершилась. В XX веке, и особенно в последние два-три десятилетия, было создано немало новых переводов отдельных книг и даже всего Нового Завета на русский язык, и об этом мы подробнее поговорим в 19-й главе.

ВЕЧНО НОВАЯ КНИГА

Но почему появляются все новые и новые переводы на те языки, на которые Библия давно переведена? Английских Библий существует уже не-

сколько сотен, счет русским вариантам Нового Завета тоже идет уже на десятки... Зачем? Отчасти в силу тяжеловесности и архаичности старых переводов, в нашем случае – Синодального. И в самом деле, чего стоят такие устаревшие слова, как седалище (сиденье, престол) и влагище (ножны)! Не стоит на месте и наука, постоянно появляются какие-то новые, уточненные данные, которые позволяют исправить возможные погрешности старых переводов.

Есть и более серьезная причина: ни один перевод не может выразить всех возможных тонкостей оригинала. Перевод можно сравнить с фотографией пейзажа или предмета: мастерски выполненный снимок даст нам достаточно хорошее представление о натуре... но все-таки это представление будет неполным. Можно снять тот же предмет при другой освещенности, другой оптикой, с другой точки – и новый снимок окажется другим, хотя не обязательно он будет хуже или лучше первого. И если мы хотим получить как можно более полное представление о предмете, нам стоит посмотреть на несколько фотографий (если недоступен оригинал), причем хороших и разных фотографий. Плохие дадут нам искаженное представление, а хорошие, но одинаковые – одностороннее и неполное. То же самое касается и переводов.

Кроме того, постоянно меняется наш мир, меняется читатель. Многие выражения древних и просто старых переводов, даже если они в целом понятны, не трогают сердца новых поколений так, как трогали когда-то первых читателей. Слова ведь, бывает, ветшают настолько, что мы перестаем воспринимать их суть. В русском языке слово фарисей давно уже приобрело исключительно отрицательное значение, поэтому все евангельские обличения фарисеев выглядят банальными. Чтобы достичь желанного эффекта и показать всю остроту евангельских обличений, современные проповедники или даже переводчики иногда передают это слово как «духовный наставник, набожный человек».

И новые переводы нередко ставят своей целью «освежить восприятие» библейского текста (об этом подробнее в 19-й главе). Насколько это полезно и оправдано – ответ на этот вопрос зависит от конкретной ситуации. Конечно, для человека, укорененного в традиции и приученного распознавать за давно знакомыми словами вечно новую суть, такой перевод выглядит шокирующим, да он ему и не нужен. Но, возможно, кто-то открывает его и впервые понимает, что Библия – не запыленная поповская книга на полупонятном языке, а Благая весть для всех времен и народов.

ДОСЛОВНОСТЬ ИЛИ ПОНЯТНОСТЬ?

Достаточно часто можно услышать, что самый точный перевод – это дословный. Дескать, уточнять глубинный смысл тех или иных выражений можно до бесконечности, так что основная задача переводчика – точно передать форму ори-

гинала. Что ж, Синодальный на первый взгляд соответствует этому требованию, но как раз это и делает его непонятным и местами даже смешным. Вот, например, как рассказывает о своем сне вавилонский царь: «Видения же головы моей на ложе моем были такие» (Дан 4:7). Почему бы не сказать проще: «Вот что увидел я ныне во сне»? Порой такой перевод совершенно непонятен: «От прещения Твоего, Боже Иакова, вздремали и колесница, и конь» – так звучит в Синодальном переводе 7-й стих 75-го Псалма. Не сразу догадаешься, что речь идет вовсе не о дремлющих конях, а о переходе Израиля через море, когда по воле Божьей на его дне уснули вечным сном египтяне вместе со своими боевыми конями.

Но и Синодальный во многих случаях вынужден отступать от дословности. Вот, например, как звучит в дословном переводе стих из книги Притчей (12:9): «Хорош пренебрегаемый и слуга для него от славящегося и недостаток хлеба». Ничего не понятно... Синодальный перевод куда яснее: «Лучше простой, но работающий на себя, нежели выдающий себя за знатного, но нуждающийся в хлебе» – но это уже, разумеется, интерпретация этого сложного места, причем не единственная возможная для данного места. Собственно, единственно полноценный дословный перевод – это подстрочник; на русском языке уже давно издан подстрочник Нового Завета, но читать его просто невозможно. Это не связный текст, а набор слов, в которых с трудом угадывается смысл, и то не всегда.

Раз уж последовательно дословный перевод невозможен, решили некоторые переводчики, не стоит и пытаться его создать. Лучше всего сразу передавать смысл, не обращая внимания на форму. Но и тут, разумеется, не обойтись без пробелов и недостатков – подобный перевод нередко грешит субъективностью: вот этот переводчик понял смысл так, тот иначе – а кто их рассудит? Перевод, близкий к дословному, по крайней мере, оставляет читателю возможность разных интерпретаций (о них мы говорили в 10-й главе). А смысловой перевод зачастую навязывает одно единственное прочтение, причем не всегда то, с которым читатель готов согласиться. К тому же такие переводы обычно означают достаточно резкий разрыв с традицией: выбираются новые слова и выражения, чтобы освежить восприятие читателя, а значит, те, к которым привыкла консервативная аудитория, исчезают из текста.

Надо сказать, что переводы такого рода стали появляться во всем мире только во второй половине XX века. Огромную роль здесь сыграло то обстоятельство, что Библию стали активно переводить на многочисленные языки народов Африки, Азии, Океании. До этого, вплоть до XIX века, переводы, за редким исключением, делались на языки Европы и Ближнего Востока, достаточно схожие меж собой. Это хорошо видно на примере славянского перевода, который делался с греческого. В обоих языках была сходная система склонения и спряжения, даже новые славянские слова можно было образовывать по той же самой схеме, что и греческие. Например, наше слово воспитание – точная копия греческого слова *анатрофэ*: приставка с основным значением «вверх», корень с основным

значением «питать» и окончание (в славянском добавился еще и суффикс). Поэтому дословный перевод с греческого на славянский был принципиально возможен и относительно понятен. Еще важнее языковой общности была общность культурная. Конечно, греки и славяне или, скажем, грузины – далеко не одно и то же, но эти народы веками жили рядом, общались и имели очень много общих понятий и представлений.

А теперь представим себе племя, живущее в джунглях Амазонии или на острове в Тихом Океане. Язык этого племени кардинально отличается от всех европейских и ближневосточных, а в его быту и культуре нет не только ничего созвучного библейским понятиям, но и таких привычных нам реалий, как каменные здания, тканная одежда и даже печеный хлеб. Как, к примеру, перевести на этот язык выражение вроде «Господь – пастырь мой», если в этом племени отродясь не было никаких пастухов? Или как передать понятие «Агнец Божий», если никто из читателей никогда не видел овец, да и слова для обозначения Единого Бога в его лексиконе нет? А как могут представить себе благотворные «потoki воды живой» люди, знакомые только с тропическим лесом, где не бывает засухи, зато проливные дожди идут по несколько месяцев кряду? Естественно, в этом случае дословный перевод просто невозможен, нужно передавать смысл этих образов и выражений, до некоторой степени приравнивая их к быту и представлениям аудитории.

Так возник новый подход к библейскому переводу, который называют «смысловым» или «динамическим». И нет ничего удивительно в том, что постепенно подобная методика стала применяться и к языкам, на которые Библия была давно переведена. Хотя современный европеец или американец знаком с библейским миром гораздо лучше индейца или папуаса, но для него старый перевод зачастую давно превратился всего лишь в привычную форму, за которой он уже не видит особого содержания. Переводить нужно не букву, а смысл текста, считают сторонники такого подхода.

ПЕРЕВОД ИЛИ ОТСЕБЯТИНА?

Видный американский библеист Б. Мецгер однажды сказал: «Перевод – искусство правильно выбирать, что терять». Действительно, перевод – это всегда потеря. Либо мы утрачиваем ясность, либо отказываемся от буквального следования оригиналу – это понятно. Существуют и другие развилки, как в сказке: налево пойдешь – коня потеряешь, а направо – голову. Например, насколько архаичным и торжественным (а следовательно, малопонятным и напыщенным) должен быть язык перевода? Или насколько однозначным (а значит, и произвольным) должен быть пе-

ревод многозначных или сложных для понимания мест? Общего решения, пожалуй, нет – всё зависит от конкретной ситуации.

Но бывают ли такие решения, когда потеряно слишком многое и ничего не приобретено? Разумеется, бывают. В принципе, ситуация с переводом Библии ничем не отличается от перевода любого другого текста: можно постараться максимально точно передать смысл оригинала, можно его исказить, а можно даже намеренно затемнить.

Поколения переводчиков рассказывают историю про синхрониста, благодаря которому удалось избежать международного скандала: когда Н.С. Хрущев в ООН пообещал «показать империалистам кузькину мать», его слова были переданы дословно... и потому совершенно неверно: «we will show them Kuzma's mother». Англоязычные слушатели, естественно, ничего не поняли, но зато и не обиделись.

Иной «перевод» Библии призван не передать, а скрыть смысл оригинала (конечно, переводом его назвать уже нельзя). Свообразную известность получило «Соединение и перевод четырех Евангелий» Л.Н. Толстого, вышедшее в Женеве в 1891–1894 гг. и, в сокращенном виде, в России в 1906 г. Это вольный пересказ отдельных страниц Евангелия, пропекудующий собственное вероучение писателя. Разумеется, в нем не нашлось места ничему, что противоречило бы его воззрениям, например, чудесам, включая и Воскресение Христово. Христос Толстого – моралист, вроде самого Льва Николаевича, и никак не более того.

Более свежий пример – выполненный свидетелями Иеговы «перевод Нового мира», в который они внесли существенные искажения, чтобы приблизить текст Библии к своему вероучению. Например, в Кол 1о Христе говорится «Им создано всё», но в этом переводе мы читаем «посредством его сотворено всё остальное» (то есть Христос оказывается тоже сотворенным).

Выражение «еретический перевод» может кому-то показаться грубым, но в том и другом случае оно, по-видимому, будет вполне заслужено. Эти два перевода ставят своей целью не прояснить и не передать смысл оригинала, а... изменить его в желательном направлении и показать тем самым, что историческое христианство ошибалось, а правы именно что создатели нового текста.

Это, конечно, крайности. Очень мало кто идет на такое сознательное изменение текста. Но возможно другое: неточное понимание или даже сознательная подгонка оригинала под представления о нем переводчика. И это, увы, не редкость. Вот почему люди зачастую с недоверием относятся к новым переводам, и в этом их можно понять.

Слово Божие неисчерпаемо, и новый перевод может помочь открыть какие-то новые его грани, но только если этот перевод будет достаточно честным и деликатным. Может быть много переводов, более или менее удачных. Но все они, в лучшем случае, только мост, который позволяет человеку преодолеть языковую и культурную пропасть и выйти навстречу Богу. Состоится ли эта встреча – никакой переводчик поручиться не может.

Андрей Десницкий

Расписание богослужений с 25 июня по 1 июля 2018 г.		
25 июня Понедельник	Прп. Онúфрия Великого. Прп. Петра Афóнского	
26 июня Вторник	Мц. Акилины	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
27 июня Среда	ПРП. МЕФÓДИЯ, ИГУМЕНА ПÉШНОШСКОГО	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
28 июня Четверг	СВТ. ИÓНЫ, МИТР. МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ, ЧУДОТВОРЦА	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
29 июня Пятница	Прп. Тихона Калужского	
30 июня Суббота	Мчч. Мануила, Савела и Исмаила	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
1 июля Воскресенье	НЕДЕЛЯ 5-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ, БОГОЛЮБСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ	7:45 Молебен с акафистом 8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста <i>/все священнослужители/</i>

СВ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

ИСТИННАЯ СВОБОДА

Мы все ищем свободы – не по тому ли чувству, что мы – рабы? Да, рабы, но не по определению Создателя, а по нашей собственной вине. Господь назначал нас для господства над всем, а мы забылись и впали в узы рабства и стеснения со всех сторон. Внешняя несвободность еще не великая потеря: существенная потеря в том, что мы внутренне связаны, что потеряли господство над самими собою, сами в себе стали не властны. Кто-то другой властвует в человеке и над человеком, а человек и слова не смеет сказать наперекор и все покорно исполняет, что так настойчиво внушается ему. И главное в том горе, что не чуется рабства своего: так забит!

Сознай же благородство свое и взыщи своих прав. Начало этому положи чувством рабства, чувством покаяния и сокрушения. Если покажутся слезы, то это лучше всего: они огонь, попадающий узы страстей, а исповедь – удары меча, коими отсекается то, то другое звено цепи греховной. Как птица, вырвавшись из тенет, радостно взлетает и реет в нестесняющем пространстве воздуха, так и душа, исторгшись из уз греха и страстей, начинает отраднó действовать в безграничной области воли Божией. Пророк испытал это на себе, когда сказал: «хождах в широте, яко заповеди Твоя взысках» (Пс. 118:45).

САМОИСПРАВЛЕНИЕ

Все мы знаем, что надо принадлежать сердцем исключительно Господу и все, малое и великое, обращать на угодение Ему одному, но когда приходится приступить к делу, отрешиться от всего, мы прибегаем к разным оговоркам, чтоб остаться при своих привязанностях: «Где нам! – говорят. – Эта высокая жизнь принадлежит только избранникам, а мы хоть

кое-как. Кто избран, тот особенно и призывается, как, например, апостол Павел и прочие». А эти избранники разве не сами пошли по зову Господа? Разве связанными влекла их благодать? Нет, услышали слово, покорились и устремились к Господу. Положим, что есть особые избранники и что у них все особо, но есть ведь и общий для всех путь – вот этим общим путем и пойдем. Обще же мы все избраны; коль скоро слово истины коснулось нашего слуха – значит, мы избраны. Нас зовет Господь, и мы безответны, если не пойдем вслед Его. Посмотрите, как обращались другие. Один услышал: «не скрывайте себе сокровищ на земле» (Мф. 6:19) – и все оставил; другой прочитал: «всуе мятется человек, сокровиществует, и не весть кому соберет я.» (Пс. 38:7) – оставил суету, и вступил на твердый, прочный путь благоугождения; третий взглянул на Распятие с надписью: «Вот что Я для тебя сделал; что делаешь ты для Меня?» – и всем сердцем предался Господу. Что ж, это разве все чрезвычайные требования? Да мы всякий день слышим и читаем тысячи подобных истин. Можно ли после этого считать себя непризванным? Нет, не за призыванием дело, а за нами. Как обратились эти обратившиеся? Сознали, что нет жизни, кроме жизни в Господе, и переменили свою неподобную жизнь. Так бывает и у всех. Внутреннее изменение, или перелом зависит от добросовестности в отношении к познанной истине, а такая добросовестность всегда зависит от нас. Во внутреннее святилище сердца из посторонних никто не войдет: там все решает сам человек с своею совестью и сознанием. Станем же сами в себе пред лицом Бога, воспроизведем живее все, чего хочет Бог, и, сознав неотложность того для нашего спасения, положим в сердце своем так: отселе начну принадлежать Господу всем сердцем и работать Ему одному всеми своими силами – и совершится наше избрание, которое и есть сочетание нашей решимости с призыванием Божиим. Господь близ; Он ко всем приходит и толцет в сердце – не отворит

ли кто. Если сердце – замкнутый сосуд, то кто виноват? Всему виною наша недобросовестность в отношении к познанной истине. Если бы этого не было, все и всегда были бы устремлены ко Господу.

И много ли требуется? Ведь мы не совсем же чуждаемся Господа. Только угождение Ему стоит у нас не на первом месте, не есть главное наше дело, а как бы приделок. Дело же у нас – угождение себе, угождение людям и обычаям мирским. Поставьте теперь угождение Господу на первом месте и перестройте все прочее по призыванию одной этой цели, и ваше внутреннее настроение изменится. Во внешнем останется все то же, только сердце станет новое. Вот и все. Много ли это?

ФЕДОР СОЛОГУБ

И это небо голубое,
И эта выспренная тишь!
И кажется, — дитя ночное,
К земле стремительно летишь,

И радостные взоры клонишь
На безнадежную юдоль,
Где так мучительно застонешь,
Паденья ощутивши боль.

А всё-таки стремиться надо,
И в нетерпении дрожать.
Не могут струи водопада
Своей бег над бездной задержать,

Не может солнце стать незрячим,
Не расточать своих лучей,
Чтобы, рождённое горячим,
Всё становиться горячей.

Порыв, стремленье, лихорадка, —
Закон рождённых солнцем сил.
Пролей же в землю без остатка
Всё, что от неба получил.